

А. Глагол

**Умозрительные и опытные
основания словесности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А. Глагол**
Умозрительные и опытные основания словесности / А. Глагол – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 487 с.

ISBN 978-5-517-96058-0

ISBN 978-5-517-96058-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я издаю мой Опытъ Основній Словесности не по совету друзей и благодѣтелей, а по силѣ положенія о Демидовыхъ преміяхъ, обязывающаго меня къ сему изданію. Самая мысль опивагнись на предпріятіе ученаго труда, выходящаго изъ круга наслоящихъ моихъ обязанностей и званія, родилась во мнѣ случайнымъ образомъ. Поводомъ къ сему было слѣдующее обстоятельство. Въ началѣ 1831 года Императорскій Московскій Университетъ, въ слѣдствіе предписанія Высшаго Начальства, обнародовалъ программу о конкурсѣ для занятія катедры Краснорѣчія, Спикопворства и языка Русскаго, оспававшей-

II

ся праздною послѣ умершаго **Ординарнаго Профессора Мерзлякова**. Трудность предложенныхъ въ программѣ задачъ возбудила во мнѣ особенное любопытство. Я старался отгадать ихъ рѣшеніе, и углубляясь въ соображенія, непримѣтнымъ образомъ составилъ въ умѣ нѣчто цѣлое, имѣвшее систематическую послѣдовательность.

Рѣшившись привести въ дѣйство сіе предначертаніе, я уснѣлъ приспособить къ назначенному сроку (къ **Іюлю** того же **1834** года), согласно вышеназванной программѣ, слѣдующія сочиненія: **1) Сисѣму Русскаго языка, 2) Теорію Словесности, основанную на Психологіи и 3) Конспектъ** полнаго курса **Словесности**, заключающій въ себѣ между прочимъ **Общую Грамматику и Частъ Исторіи Русской Литературы**. Сія сочиненія препровождены мною въ **Московскій Унивѣрситетъ** безъ подписи имени, которое, по принятому въ конкурсахъ правилу, приложено было въ особомъ запеча-

III

панномъ пакетѣ. Оцѣненіе Словесныхъ Наукъ и Совѣтъ Университета единогласно признали означенные труды удовлетворительными, а конкурренша достойнымъ искомою кафедрой; но сія кафедра въ послѣдствіи поручена другому, въ уваженіе засвидѣтельствованія ближайшаго начальства объ усердной его службѣ, свѣдѣніяхъ и способностяхъ.

Между тѣмъ, уже ободренный благословнымъ мнѣніемъ Университета о моихъ сочиненіяхъ, я, приведа оныя въ одно цѣлое, названное *Опытъмъ Начертанія Основаній Словесности*, предспавилъ его въ въ 1832 году въ Императорскую Академію Наукъ къ соисканію награды, учрежденныхъ Камергеромъ П. Н. Демидовымъ. Описель помянутый Опытъ препровожденъ былъ на заключеніе въ Императорскую Россійскую Академію, кошорая въ подробномъ и обстоятельномъ разборѣ своемъ нашла его въ сущности своей согласнымъ

съ началами великихъ наставниковъ древности и первымъ систематическимъ учениемъ языка Русскаго. Къ сему отзыву Академія Наукъ въ опочетъ 19 Мая 1838 года, по случаю вшораго приеуденія Демидовыхъ премій, присовокупила слѣдующее: «Основательныя сужденія, вѣрный взглядъ, оригинальное развитіе и свѣтленіе идей и благородное изложеніе выгодно отличаютъ сіе твореніе предъ всеми подобными и присволяютъ Автору онаго заслугу быти первымъ, приведшимъ въ систему Россійскую Словесность.»—Въ слѣдствіе сего Академія Наукъ назначила мнѣ одну изъ поощрительныхъ премій, а Россійская Академія, по представленіи сдѣланныхъ мною къ означенному сочиненію дополненій, приняла на свой счетъ и самое печатаніе онаго.

Сіе споль лучшее вниманіе къ моимъ трудамъ прехъ первыхъ въ Имперіи ученыхъ сословій: Академіи Наукъ, Россійской

Академіи и Московскаго Университета, возлагая на меня приличную обязанность засвидѣтельствовать Имъ торжественно чувство моей искреннѣйшей благодарности, — чувство, слабо мною выражаемое, но глубоко запечатлѣнное въ моемъ сердцѣ. Ихъ ученый судъ есть по же для меня, какъ судъ древняго Ареопага, производившаго свои приговоры безъ всякаго отношенія къ лицу, званію и имени подсудимаго.

При семъ я не могу скрыть и глубокаго чувства моей признательности къ отличному ко мнѣ вниманію Президента Россійской Академіи А. С. Шникова и Президента Академіи Наукъ, Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, С. С. Уварова, удостоившихъ меня своими учеными замѣчаніями и наставленіями. Я старался, сколько было возможно, нѣтъ же воспользоваться ихъ уроками, вывняв

себѣ въ опычную чesнь руководствовашься оными и въ будущихъ шрудяхъ моихъ.

Надобно ли упоминашь здѣсь о чувствѣ признательности къ Основателю премій, явившему симъ учрежденіемъ споль рѣдкій опытъ пламеннаго своего рвенія къ общественной пользѣ?—Но что значить голосъ одного незвѣснаго лица о патриотическомъ подвигѣ, обратившемъ Высокое вниманіе Самаго Августѣйшаго Покровителя Просвѣщенія? «Имена *Демидовыхъ*, изрече Академія, будущъ сіяшь «немерцаемою славою въ лѣтописяхъ гражданской образованности наряду съ именами Канцлера Графа *Румянцева*, Князя *Безбородко* и другихъ знаменитыхъ Россійскихъ Меценатовъ.» — Нашъ Меценатъ шребуешъ не словъ, а дѣйствій, не похвалъ себѣ, а жерцвъ на алтарь Отечества Мухъ. Я приношу одну лепшу ошъ шрудовъ моихъ,—и счастливымъ себя почшу, если она будетъ такъ же приня-

та всеми пресвѣщенными судіями Словесности, какъ въ Академіяхъ.

Впрочемъ, не увлекаясь именитостію лицъ и ученыхъ сословій, я принимаю ихъ отзывы въ наслолщемъ значеніи, — не какъ свидѣтельство еярогой оцѣнки трудовъ моихъ, а какъ голосъ суда; умѣреннаго снисхожденіемъ къ усердію прудвшагося на шомъ поиритѣ, на коемъ доселѣ являлись у насъ весьма немногіе подвижники. Можешь быть, никому сполько не видны мои ошибки, какъ самому мнѣ; къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности ни предупредить ихъ, ни исправить. Будучи постоянно заняшь службою, соединенною съ несыпными трудами, и опрывая себя опъ оной шомько по временамъ, въ дѣлѣ, пребующемъ послѣдовательной и безпрерывной цѣпи размышлений, — я невольнымъ образомъ долженъ былъ допустить неокончанность плана, перерывы между частями, пропуски цѣлыхъ главъ и, можешь быть,

пешнопу самого образа выражений во многих мѣстахъ. Скажу короче: приготавливая свое сочиненіе къ определенному сроку, я хотѣлъ обратишь вниманіе преимущественно на нѣ предметы, дох не были внесены въ предніе курсы или и совсѣмъ оспавались досегъ непримѣченными. Я успѣлъ только поспавить рамы и одѣлать главные очерки, предоспавляя довершеніе всего труда будущему времени.

Главныя основанія умоэришельной части Словесности взяты мною изъ предняго моего сочиненія, издавнаго въ 1823 году для полученія докторской степени: *De methodo inveniendi, disponendi et enunciandi etc.* Они выведены изъ началъ Психологіи и подтверждены аналитическимъ разборомъ древнихъ Орашоровъ.

Объ отношеніяхъ нашего Краснорчія къ древнему въ настоящее время распространяюща мнзніе, съ которымъ нельзя безусловно согласишься. Справедливо,

чно нынѣ другія времена, нравы, лица, народы и Правительства; но несправедливо, чтобы нынѣ съ ними измѣнилась и сущность Искусствъ. Цѣлою Крестовъча во все времена было убѣжденіе, а средства къ сему убѣжденію почерпаются лишь изъ вѣчныхъ законовъ, начертанныхъ въ душѣ не лицъ и народовъ, но вообще человѣка. Однимъ словомъ: Логика у насъ та же, какая была у древнихъ; а Риторика, по формамъ своимъ, есть только ошкновение Логикѣ.

Говоря объ отношеніяхъ новаго Крестовъча къ древнему, не надобно перятъ изъ виду нынѣшнихъ родовъ его: духовнаго, академическаго и въ особенности дѣловаго, имѣющаго почти одинакія формы и происхожденіе съ древнимъ. На пр. Какое различіе между Указами нашего Правительствующаго Сенаша и публичными постановленіями Сенаша Римскаго. Формы первыхъ всемъ извѣсны; возьмемъ же для сра-

Х

вненія какое либо постановление Римское, на пр. о *празднествахъ Бахусовыхъ*, одно изъ древнѣйшихъ, относящееся къ 186-му году до нашего лѣтосчисленія. Въопть его начало: «Въ ноны мѣсяца Октябрия въ преддверіи храма Беллоны Марцій и Спурій Поспумій Консулы, въ присушенствіи Сената; *слушали предложеніе* Клавдія, Валерія и Минуція о празднествахъ Бахусовыхъ (Senatum consulerunt... de Bacanalibus quae foederatae essent. ita. Exdicendum. censuere).» (Здѣсь слѣдуютъ пункты предложенія) Въ заключеніе *приказали* (ita Senatus aequum censuit): объявишь о семъ «всенародно въ продолженіе трехъ нундинъ (торговыхъ дней). Если же кто поспуишь вопреки вышелеписанному, шого предавашъ суду уголовному (rem capitalem faciendam censuere); а для всенароднаго свѣдѣнія вырѣзашъ сіе постановление на мѣдной доскѣ и выспавишь оное во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ.»